

Цзянь Сунъи проснулся утром, зашёл на кухню и застыл на пороге. Столовая встретила его холодом и идеальной, звенящей пустотой.

«А где мой завтрак?»

Телефон звякнул оповещением WeChat.

[Госпожа Тан: «У нашей помощницы заболел сын, она взяла отпуск на неделю. Сходи к соседям напротив, перекуси у них чем-нибудь»]

[Госпожа Тан: «И заодно зацени ужин при свечах, который твой папа приготовил своими руками»]

[Госпожа Тан: Стейк.jpg]

«Похоже, моё появление на свет было чистой случайностью».

Цзянь Сунъи окончательно убедился, что этот мир обошёлся с ним слишком жестоко.

Завалиться к соседям спозаранку ради тарелки каши гордость не позволяла. Раздражённо взъерошив волосы, всё ещё сонный и недовольный жизнью, он подхватил зонт и вышел на улицу. Чёрный «Бентли» уже ждал у ворот. Слава богу, ему хотя бы оставили дядю Чжана.

Цзянь Сунъи вздохнул с облегчением, будто спасся от катастрофы. Но едва он открыл дверцу машины, этот вздох застрял у него в горле.

Какого чёрта Бо Хуай делает в его машине? Да ещё на заднем сиденье? И что это за ланч-бокс у него в руках?

Из-за раннего подъёма соображал он туго. Продолжая недоумевать, Цзянь Сунъи уселся рядом с Бо Хуаем и захлопнул дверцу.

Только когда машина тронулась, он тупо спросил:

— Ты только перевёлся, а уже прогуливаешь утреннюю самоподготовку?

Сам Цзянь Сунъи физически не мог заставить себя вставать в шесть утра. Поэтому, под личные гарантии госпожи Тан и благодаря статусу лучшего ученика школы, руководство сделало для него исключение: ему разрешалось пропускать утренние часы и приезжать сразу к первому уроку, к восьми.

Но с какой стати поблажки делают Бо Хуаю? Он что, тоже первый в рейтинге параллели?

Да ни за что.

Бо Хуай спокойно приоткрыл ланч-бокс:

— Дедушка сказал, что у меня слабое здоровье, так что по утрам мне нужно больше спать.

Цзянь Сунъи в упор не видел, в каком месте этот парень «хилый». Видимо, школьное начальство готово закрыть глаза на любые правила, стоит им лишь услышать фамилию Бо.

— Меня глубоко печалит, что дедушка Бо так безбожно тебя балует, — картинно вздохнул Цзянь Сунъи.

— Взаимно, — парировал Бо Хуай и протянул ему ланч-бокс.

Внутри оказалась порция горячих вонтонов.

Цзянь Сунъи взял чашку и вежливо кивнул:

— Спасибо дедушке Бо.

— Можешь не называть его дедушкой.

—...

Цзянь Сунъи мысленно выругался: не стоило экономить слова и упускать «передай».

— А вот «брат Хуай» вполне сойдёт, — с намёком добавил Бо Хуай.

— Ха! Ты мне вообще-то ещё «папу» задолжал, — фыркнул Цзянь Сунъи.

Бо Хуай лишь приподнял бровь, не став спорить.

Цзянь Сунъи давно заметил: когда этот тип снимает очки, его взгляд становится невыносимо дерзким. К тому же стёкла в его оправе были обычными пустышками без диоптрий — чистейшие понты.

Впрочем, долг вежливости обязывал: раз уж его прикормили, лезть на рожон не стоило.

Он зачерпнул ложкой бульон, помешал, но так и не решился отправить вонтон в рот.

Заметив его заминку, Бо Хуай забрал чашку обратно и сунул ему в руки пачку печенья:

— Погрызи пока.

Затем он достал палочки и принялся аккуратно вылавливать из бульона зелень.

Когда повар дома готовил завтрак, Бо Хуай ещё не знал, что у соседей пусто, поэтому не успел предупредить насчёт кинзы. К счастью, её бросили совсем немного, чисто для украшения, и порезали крупно, так что убрать листочки не составило труда.

Когда чистая чашка вернулась к Цзянь Сунъи, тот проглотил печенье и восхищённо присвистнул:

— Ничего себе! Дедушка Бо, ну ты силён! Вернул вонтонам их честное имя и девственную чистоту!

То есть вонтоны с кинзой — это уже порочные вонтоны?

Бо Хуай покачал головой, дивясь его странной логике. Но обращение «Дедушка Бо» прозвучало вполне сносно.

Наевшись, Цзянь Сунъи решил отплатить добром за добро и ткнул Бо Хуая локтем в бок:

— Кстати, о вчерашнем. Ты там в конце концов решил ту зубодробительную задачу по физике? Я ведь её так и не проверил. Доставай тетрадь, твой брат Сун тебе всё растолкует.

— Не надо, мы приехали.

— Сам отказался, потом локти не кусай. Если завалишь диагностический тест, ко мне никаких претензий.

— Не завалю. У меня с учёбой всё более-менее.

—...

«Более-менее», как же. Лучший результат на выпускных экзаменах в Бэйчэне. В искусстве набивать себе цену этот парень мог легко составить ему конкуренцию.

Мысленно ворча, Цзянь Сунъи открыл дверцу и вышел, но всё же придержал зонт над головой, дожидаясь Бо Хуая.

Ливень хлестал с той же силой, что и вчера. Однако, когда они вошли в класс, светло-каштановые волосы Бо Хуая аккуратно лежали, послушно обрамляя лицо, и не были растрёпаны, как накануне.

Поскольку это был всего лишь диагностический срез знаний, а ученики Наньвае славились сознательностью, столы в аудиториях переставлять не стали — все писали тест на своих привычных местах.

Расписание составили зверское: утром — китайский язык, днём — математика и английский, а на вечерней самоподготовке — комплексный естественно-научный тест.

Всё за один день. Составители явно вознамерились лишить бедных школьников последних волос на голове.

Чтобы с ходу сбить спесь с выпускников и заставить их пахать не покладая рук, задания сделали зубодробительно сложными. Весь учебный корпус стонал и содрогался от отчаяния.

В Наньвае классы формировались строго по успеваемости — от первого к пятому по убыванию. По логике вещей, в первом классе третьего года обучения должна была царить самая непринуждённая атмосфера.

Так оно и было. Местные гении вполне справлялись с нагрузкой, если бы не одно «но»: в их классе обитали сразу два монстра.

Цзянь Сунъи принадлежал к породе одарённых от природы людей. Острый ум, феноменальная память и мгновенная реакция позволяли ему щёлкать задачи как орехи, порой опираясь исключительно на интуицию. Он всегда финишировал первым, и сдача работы за полчаса до звонка давно стала для одноклассников делом привычным.

Но теперь рядом с ним сидел Бо Хуай.

Стиль работы Бо Хуая отличался от манеры соседа. Он писал не спеша, сосредоточенно и аккуратно. Но эта неторопливость была обманчивой: пока Цзянь Сунъи бился над анализом чувств героев в последнем задании по чтению, Бо Хуай уже перевернул лист и строчил сочинение.

Терпеть подобное унижение Цзянь Сунъи не собирался.

Он перестал крутить ручку в пальцах, забросил каракули на полях и, собрав волю в кулак, врубил максимальную скорость. В итоге они сдали работы секунда в секунду.

К обеду, во время тестов по английскому и математике, негласное соперничество разгорелось с новой силой.

Английский — сдан через час и десять минут.

Математика — через час двадцать.

Каждый раз, стоило в тишине заднего ряда раздаться двум синхронным щелчкам опускаемых на столы ручек, как две высокие, приковывающие взгляд фигуры лениво поднимались с мест. Они не спеша двигались к учительской кафедре, сдавали бланки и так же вальяжно возвращались обратно.

После чего один укладывался спать, а второй утыкался в книгу.

Их абсолютная безмятежность заставила остальных учеников первого класса — элиту из элит провинции — всерьёз усомниться в собственной адекватности.

«Как можно писать тесты с такой скоростью?»

«Может, я просто тупой?»

«Что я вообще делаю в первом классе?»

«Разве я достоин здесь сидеть?»

«Кажется, у меня начинается депрессия».

:)

Перерыв между математикой и вечерним тестом длился час.

Поскольку учебный год ещё толком не начался, в школьной столовой работали всего два окна. Разбалованный домашней кухней Цзянь Сунъи, бросив один взгляд на предлагаемое меню, мгновенно лишился аппетита. Идти куда-то под проливным дождём было лень, поэтому он решил остаться в классе и полистать тесты по естественным наукам.

В течение дня он неизменно оказывался на шаг позади Бо Хуая. И пусть разрыв составлял жалкие секунды, Цзянь Сунъи понимал: чтобы уложиться в это время, ему пришлось строчить так, что его почерк напоминал кардиограмму умирающего.

При этом бланки соседа выглядели безупречно — аккуратные, с красивым, ровным почерком.

Это задевало за живое.

«Ладно, разомнусь пока. Настрою мозги на нужную волну, а вечером покажу этому выскочке фамилии Бо, кто здесь хозяин».

Сам же виновник его раздражения мнением соседа явно не интересовался. Одолжив у него зонт, Бо Хуай ушёл в неизвестном направлении, предоставив Цзянь Сунъи желанный покой.

Впрочем, в семнадцать лет о тишине можно только мечтать. Пока все стояли в очереди за обедом, новость разлетелась со скоростью лесного пожара: в первом классе появился новый невероятно красивый Альфа, оказавшийся таким же монстром учёбы, как и сам Цзянь Сунъи.

Слухи наполнились слезами и болью несчастных одноклассников, щедро приправленными восторженным писком учеников из параллельных классов.

Чем больше пропасть в способностях, тем меньше места для зависти. В четвёртом и пятом классах мало кто вообще успевал доползти до конца бланка. И на тех, кто сдавал работу за половину отведённого времени, там смотрели не со злостью, а со священным трепетом.

Поэтому оценки новичка всех волновали мало. Куда интереснее было другое: действительно ли новенький так чертовски хорош собой, как о нём говорят?

Тут уж ребятам из первого класса было чем поделиться. Сюй Цзясин, сидевший прямо перед парой гениев, возбуждённо размахивал руками, силясь привлечь всеобщее внимание:

— Ещё бы не хорош! Нашего брата Суна все знают, так?

Толпа дружно закивала, словно цыплята, клюющие зерно. А пара девчонок при одном упоминании имени Цзянь Сунъи даже смущённо порозовели.

Довольный произведённым эффектом, Сюй Цзясин продолжил:

— Так вот, этот новенький ничуть не уступает нашему брату Суну! К тому же он уже сформировавшийся, зрелый Альфа. И, кажется, даже на пару сантиметров выше брата Суна. Прикиньте сами, каков красавчик!

В его голосе звучала такая гордость, словно он расхваливал собственного отца.

Сюй Цзясин крутился в одной компании с Цзянь Сунъи, так что его словам можно было верить на все сто.

Толпа взбудораженно зашепталась. Вдруг кто-то подал голос:

— Ой, да ладно вам! Вы все со средней школы учитесь в Наньваи, вот и не в курсе. А в нашем Ичжуне Бо Хуай был легендой — и первым красавцем, и грозой школы в одном флаконе. И учился всегда лучше всех. Если бы он тогда не уехал в Бэйчэн, ещё неизвестно, кто бы стал лучшим на выпускных экзаменах — он или Цзянь Сунъи.

Наступила короткая тишина.

— Погодите, но это же буквально биография нашего брата Суна!

— Получается, у нашего короля появился достойный соперник?

— Вот это жара!

— Битва титанов!

— Народ, налетаем, делаем ставки! Кто возьмёт первое место по естественным наукам?

— Разумеется, брат Сун! Ставлю три пачки острых палочек!

— Я из Ичжуна, так что верю в легенду о Дедушке Бо. Ставлю шесть пачек!

— И я в деле! На брата Суна — пять пачек!

— А я ставлю на Цзянь Сунъи. Если он не займёт первое место, я куплю баббл-ти на весь его класс.

Тихий, робкий голосок прозвучал неожиданно весомо на фоне общего гомона. Но эта ставка оказалась самой щедрой.

Все уставились на смелую благотельницу. Ею оказалась круглолицая девчушка с большими, как у оленёнка, глазами — Линь Юаньюань.

Сюй Цзясин удивлённо присвистнул:

— Линь Юаньюань, побереги кошелек! По моим агентурным данным, Дедушка Бо пока обходит нашего брата Суна. Пусть на долю секунды, но обходит.

— Я... я всё равно верю в Цзянь Суньи!

Щёки девочки залил густой румянец. Она наспех ткнула пальцем в первый попавшийся гарнир и поспешно ретировалась в самый дальний угол столовой.

К толпам влюблённых в Цзянь Суньи воздыхательниц все давно привыкли, поэтому лишь понимающе усмехнулись.

И только высокий юноша, как раз выходивший из учительской столовой с ланч-боксом в руках, бросил мимолётный взгляд в сторону забившейся в угол девочки. Затем он раскрыл чёрный зонт и скрылся за пеленой дождя.

Когда Бо Хуай вернулся в класс, Цзянь Суньи увлечённо болтал с каким-то Омегой.

Тот вальяжно покачивался на стуле, лениво придерживая зубами мягкий пакетик с питьевым йогуртом. На его парте уже лежали сэндвич и треугольный онигири, а Омега, бесцеремонно устроившись на стуле Сюй Цзяпина, аккуратно снимал с них упаковочную плёнку.

Омега что-то тихо прошептал. Бо Хуай не разобрал слов, но заметил, как уголки губ Цзянь Суньи дрогнули и поползли вверх. Взгляд его потеплел, а в глубине тёмных глаз вспыхнули искры искреннего, безоблачного веселья, словно он вспомнил нечто невероятно дорогое и светлое.

Надо признать, Цзянь Суньи с самого детства был чертовски хорошеньким мальчиком. Его яркая, броская красота била наповал, не зная полутонов и компромиссов.

Бо Хуай подошёл к своей парте и привычным, незаметным движением спрятал ланч-бокс под крышку стола.

Опустившись на стул, он наконец разглядел лицо Омеги. Это был тот самый парень, который вчера грозился хранить верность Цзянь Суньи до гробовой доски. Кажется, его звали Чжоу Ло.

Хрупкий, бледный, с мягкими чертами лица — такой покладистый характер отлично подходил взбалмошному молодому господину Цзяню.

Бо Хуай равнодушно отвёл взгляд и, не проронив ни слова, достал новый задачник по физике.

Кончик грифеля с глухим шуршанием побежал по бумаге. Пальцы, сжимавшие карандаш, слегка побелели от напряжения.

Стоило Бо Хуаю переступить порог, как Чжоу Ло зябко повёл плечами от внезапно упавшей температуры. Быстро шурша пакетом, он украдкой рассматривал новенького.

Красив, спору нет. Идеальный разрез глаз, точёный нос, чёткие губы, аккуратная родинка у глаза и изящные кисти рук.

Но господи, какой же он холодный! От него веяло ледяным равнодушием: холодный взгляд, холодная аура, холодные жесты. И это не была напускная поза высокомерного ледяного принца — скорее абсолютная, звенящая отстранённость. словно он находился на недостижимой высоте и лениво взирал на суету вокруг.

Вспомнив то, что Лу Цифэн рассказывал об этом типе и его похождениях в четырнадцатилетнем возрасте, Чжоу Ло проникся ещё большим трепетом. Он поспешно придвинул сэндвич и онигири к Цзянь Сунъи:

— Брат Сун, приятного аппетита. А я побежал, мне ещё историю учить.

И был таков.

Цзянь Сунъи наконец соизволил вытащить изо рта пакетик с йогуртом и лениво покосился на соседа:

— Ну и физиономия у тебя. Ты парня до полусмерти запугал.

Бо Хуай, не поворачивая головы, бросил:

— А ты, значит, не боишься?

— Я? Тебя? — Цзянь Сунъи вызывающе вскинул подбородок. — Не смейся меня, приятель. Ты слишком наивен. Забыл, с кем имеешь дело? Твой брат Сун не боится ни черта.

Обычно Бо Хуай пропускал его хвастливую болтовню мимо ушей, но сегодня в нём почему-то проснулся азарт. Он отложил карандаш, развернулся всем корпусом и, небрежно закинув левую руку на спинку стула Цзянь Сунъи, подался вперёд.

На его губах заиграла едва заметная улыбка.

— Поверь мне, малыш, — тихо произнёс он, — когда-нибудь ты точно испугаешься.

В этот момент Бо Хуай стал похож на настоящего лиса-искусителя. Тёмная родинка у глаза лишь добавляла ему греховного очарования.

Цзянь Сунъи на секунду опешил от этой улыбки. Равновесие было потеряно — ножки стула скользнули по полу, и парень вместе с сиденьем полетел назад. Но Бо Хуай среагировал мгновенно: его рука, лежавшая на спинке, скользнула вперёд и крепко обхватила соседа за талию.

То был чистый рефлекс — Бо Хуай всего лишь хотел уберечь его от падения. Но в итоге всё вышло так, что Цзянь Сунъи оказался в довольно двусмысленной, почти девичьей позе прямо в объятиях Бо Хуая.

Стул с грохотом повалился на пол.

Дверь класса резко распахнулась.

У застывшего на пороге Сюй Цзясяна бутылка с минералкой выскользнула из пальцев и с глухим стуком покатила по полу.

Дверь класса так же резко захлопнулась обратно.

<http://bllate.org/book/20583/2106588>